

Философские науки

УДК 1(091):316

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЦЕННОСТЕЙ

С.Н. Кочеров, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Нижний Новгород, Россия), e-mail: skocherov@hse.ru

Аннотация. В любом обществе можно обнаружить систему ценностей, адекватную потребностям и интересам данного социума. Русский мир также имеет свои ценности, которые характеризуют его социокультурную идентичность. Эти ценности, находящиеся в относительно постоянном единстве и взаимно обусловленном отношении друг к другу, можно рассматривать в качестве выражения как основных идеалов российского социума, так и присущих ему внутренних конфликтов.

Ключевые слова: русская идея, правда, соборность, спасение.

RUSSIAN IDENTITY IN LIGHT OF THEORY OF VALUES

Abstract. In any society you can find a system of values, adequate to the needs and interests of the society. Russian world has its own values, which characterize his social and cultural identity. These values set in a relatively permanent unity and mutually conditioned relation to each other, can be seen as expressions of basic ideals of the Russian society and its inherent internal conflicts.

Keywords: the Russian idea, truth, sobornost, salvation

В свое понимание России каждый вносит такое множество значений и смыслов, что любое научное исследование на данную тему предполагает имплицитное знание о пределах, ограничивающих его содержание. Конечно, можно, следуя за Н.В. Гоголем, сетовать на то, как «велико незнание России посреди России». Но, сколько бы писатель, историк или философ ни изучал Россию, он не может полностью охватить богатство и сложность русской жизни и адекватно передать их посредством образа или понятия. Для того чтобы глубже проникнуть в сущность предмета исследования, часто приходится жертвовать широтой в рассмотрении материала. Изучение российской идентичности не является исключением. В статье предпринята попытка рассмотреть российскую идентичность сквозь призму ценностей, которые, на мой взгляд, наиболее характеризуют ее.

В свое понимание России каждый вносит такое множество значений и смыслов, что любое научное исследование на данную тему предполагает имплицитное знание о пределах, ограничивающих его содержание. Конечно, можно, следуя за Н.В. Гоголем, сетовать на то, как «велико незнание России посреди России». Но, сколько бы писатель, историк или философ ни изучал Россию, он не может полностью охватить богатство и сложность русской жизни и адекватно передать их посредством образа или понятия. Для того чтобы глубже проникнуть в сущность предмета исследования, часто приходится жертвовать широтой в рассмотрении материала. Изучение российской идентичности не является исключением. В статье предпринята попытка рассмотреть российскую идентичность сквозь призму ценностей, которые, на мой взгляд, наиболее характеризуют ее.

Как полагал Э. Фромм, из теории социальной природы ценностей следует, что «выживание любого общества с его собственной социальной структурой и противоречиями должно быть высшей целью для всех членов его и, следовательно, нормы, способствующие выживанию данного общества, – это высшие ценности и обязательны для каждого индивида» [12, С. 286]. Ценностные приоритеты как выражение сущности и смысла определенного социокультурного мира (и тем самым присущей ему идентичности) обеспечивают его выживание и развитие, показывая значимость его бытия, возвещая, что его существование является необходимым и незаменимым для всего человечества. Поэтому ценности, которые в них представлены, с одной стороны, обращены к членам данного сообщества, находящим в них должную основу для объединения, а с другой стороны, адресованы другим сообществам как идеальный образ их совместного бытия.

В этой связи, на мой взгляд, особый интерес представляют ценности, характеризующие глубинные потребности, широко распространенные и принимаемые в разных культурах. Хотя интенции различных общественных слоев, этнических групп и цивилизаций, изменчивые в их исторической динамике, сложно уместить в «прокрустово ложе» единой системы ценностей, в них нередко можно выделить ценностные «первоосновы», комбинации которых придают этим общностям их неповторимую социокультурную специфику. Постоянное и устойчивое соотношение ценностей, которые во многом обуславливают характер и направление развития данной общности, выражает ее «идею» в аксиологическом аспекте. По сути дела, речь идет о неких ценностных архетипах, что передают в универсальном виде социальные устремления и культурные предпочтения, свойственные представителям социальной группы, определенного народа или государственного объединения. Рассмотрим их на примере самых известных сочетаний ценностей, которые вошли в историю культуры.

Первыми в их ряду можно назвать «красоту», «истину» и «добро», единство которых постулируется при их выделении из синкретического понятия «благо». Это знаменитое триединство, доставшееся нам в наследство от античного мира, возникло на том этапе духовного развития греческой цивилизации, когда мыслители Эллады переходят от познания бытия к пониманию человека, пытаясь логикой сознания вернуть ускользающую гармонию жизни, найти в ней возвышающий душу смысл. Первым об этом задумался Сократ, в учении которого прекрасным и добродетельным может быть лишь то, что основывается на знании, т.е., в конечном счете, на истине. У него единство красоты, добра и истины выступает еще в нерасторжимом единстве с идеей блага. «...Если мы не в состоянии уловить благо одной идеей, – говорит платоновский Сократ, – то поймем его тремя – красотой, соразмерностью и истиной» [9, С. 75], понимая под «соразмерностью» имманентную характеристику добродетели. В более развитом виде это учение излагает Аристотель. Он полагал, что «каждому складу присущи свои [представления] о красоте и удовольствии и ничто, вероятно, не отличается добропорядочного больше, чем то, что во всех частных случаях он видит истину (talēthes) так, будто он для них правило и мерка (kanōn kai metron)» [1, С. 104]. Таким образом, античная цивилизация – и главная заслуга здесь принадлежит, безусловно, греческим мыслителям – выразила гармонию эстетической, нравственной и познавательной ценностей, которые в своей совокупности представляют целостное отношение человека к жизни.

Другой ряд тесно связанных ценностей образуют «вера», «надежда» и «любовь», выступающие как ступени для восхождения человека к Богу и нормативы, которым он должен следовать в своих отношениях с ближними. Эти три ценности передают основы духовного строя христианской общины и были особо выделены еще апостолом Павлом, который ска-

зал о них: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1-е кор. 13:13). Апостол видел в них доступные человеку в земной жизни гаранты обретения жизни вечной, отсветы ясного знания, исполнения желаний и полного счастья, которые возможны только в Царствии Небесном. Развивший учение о трех главных добродетелях, папа Григорий I Великий призывал свою паству к духовной жизни, в которой должно быть «совершенное долготерпение надежды, совершенная широта любви, совершенная точность веры и совершенное усердие к деятельности» [13]. Наиболее полное выражение в христианской философии Западного мира эти идеи получили в «Сумме теологии» Фомы Аквинского. Согласно Аквинату, только «теологические» добродетели – вера, надежда, любовь – делают человека причастными к совершенному благу, тогда как четыре традиционные «кардинальные» (стержневые) добродетели – благоразумие, справедливость, мужество и умеренность – были присущи и язычникам [11]. Это различие доводится до логического завершения в католицизме, для которого условиями обретения веры, надежды и любви является божественная благодать, т.е. уже само обладание ими говорит о принадлежности человека к миру избранных.

Третий ряд взаимно сочетаемых ценностей представляют популярные со времен Великой Французской революции «свобода», «равенство» и «братство». Эта знаменитая триада ценностей должна была символизировать порядки нового мира как нормы, основанные на согласии прав и обязанностей гражданина, на гармонии личных интересов и общего блага. При таком понимании «свобода состоит в возможности действовать не во вред правам другого» [6, Статья 2], а «равенство состоит в том, что закон является равным для всех как в тех случаях, когда он охраняет, так и в тех случаях, когда он наказывает» [6, Статья 3]. В отличие от свободы и равенства, отнесенных к первым правам граждан, братство трактуется как основа всех их обязанностей и проявляется в двух принципах, «заклученных во всех сердцах от природы. "Не делайте другому того, что вы не хотите, чтобы сделали вам. Постоянно делайте другим то доброе, что вы хотели бы получить сами"» [Статья 2]. Нельзя не признать, что в условиях Великой Французской революции наибольшее развитие из этой триады смогла получить свобода, причем, нередко направленная именно «во вред правам другого». Однако стремления к справедливому устройству общества и альтруистическим отношениям между людьми были не забыты, но отложены до наступления «республики свободы и разума». Последующий исторический опыт показал, что реализация данных ценностей в жизни общества возможна только тогда, когда они взаимно обуславливают и ограничивают друг друга, а не развиваются отдельно или утверждаются за чужой счет.

Существуют ли такие ценностные приоритеты у «Русского мира», которые отражают особенности его социокультурного развития? Исследователи, изучавшие русскую идею как основу российской идентичности, как правило, были едины в том, что признавали их противоречивый характер. В отношении кардинальных устремлений, проявившихся в российской истории и культуре, действительно, можно высказать целый ряд взаимоисключающих суждений, которые будут одинаково верны. Например, Н.А. Бердяев утверждал, что русскому народу присущи «деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [3, С. 8-9]. Хотя в противоречивых свойствах народа сложно выявить

единую систему ценностных ориентиров, на мой взгляд, все же можно выделить ту ценностную «первооснову», которая позволяет воспринять его общность как уникальную социокультурную реальность. Для этого необходимо найти постоянное и устойчивое соотношение ценностей, которые определяют характер и направление цивилизационного развития Русского мира, представляя собой аксиологический вариант его Идеи.

Все основные эпохи российской истории обладают своим набором ценностей, значений и смыслов, но в каждой из них, более или менее отчетливо, проявляется стремление к идеальному состоянию, которое выступает индикатором социокультурной идентичности русского народа, российской нации. Указанное стремление, в метаисторической перспективе, должно привести к построению идеального общества, которое наделялось разным содержанием и описывалось с помощью различных понятий – религиозных, нравственных, политических. В российской истории и культуре оно представало в образе «Святой Руси», в доктрине «Москва – Третий Рим», в идеях панславизма и коммунизма. При всех различиях между этими проектами в них может быть выделено нечто общее. Таким общим началом является устойчивое сочетание основных ценностей, которые характеризуют каждую из этих проекций совершенного общества. Основными ценностями Русского мира в его идеальном состоянии, на мой взгляд, являются **правда** как синтез истины и справедливости, **соборность** как гармония свободы и единства, а также **спасение** как примирение обособленности и всемирности, исторической миссии и мессианства.

Правда – это основополагающая ценность российской идентичности, что было отмечено многими мыслителями. Например, Д.С. Лихачев говорил о присущей русской литературе «особой правдивости», для которой характерно стремление во всем дойти «до крайней точки». А.И. Солженицын писал, что по своему идеалу русские тяготеют к такому обществу, в котором люди «должны прежде всего преследовать не интересы, а стремление к правде отношений» [10, С. 111]. Именно правдой, а не пользой, добром или красотой, как правило, проверяет русский человек свое отношение к себе и к миру, независимо от того, исходит ли он из первого основания или выносит конечную оценку. Неслучайно издревле показателем социального и нравственного неустройства в российском обществе служит повсеместное убеждение в том, что «нет в жизни правды». Хотя для России нередки времена, когда каждая группа людей верит только в свою правду, в обществе всегда жила потребность в общей правде, которая придала бы его бытию высший смысл. Даже самодержавная власть была вынуждена считаться с этой правдой, которая доходила от не всегда безмолвствующего народа. Поэтому, например, Иван Грозный был вынужден скрепя сердце слушать обличения Василия Блаженного, приговор которого звучал как «божий суд». Потеря общей правды становится предвестием раскола в обществе, знаменем того, что время утратило свой смысл.

Что же несет в себе эта правда, которой так дорожит Русский мир? В религиозном выражении она представляет собой искание святости, обретение чистоты духа, а в светском воплощении – достижение праведности в жизни человека и правильного порядка в обществе. Можно согласиться с теми мыслителями, кто утверждает, что русская идея является православной. Но она такова не столько в конфессиональном, сколько в этимологическом значении данного слова. Согласно данной идее, народ российский является потенциально «праведным» не в силу своей «богоизбранности», как она понимается в иудаизме и протестантизме, а потому, что по природе своей он стремится к правде. Русская правда есть синкретическое единство истины и справедливости, которые, будучи отделены от правды,

вступают в противоречие друг с другом, а, возвращаясь к ней, обретают подлинный синтез. Важной характеристикой этой правды является ее всеобщность, обращенность ко всем людям и народам. Не случайно Ф.М. Достоевский заявлял, что правда «выше народа и выше России». Н.А. Бердяев был убежден, что «миссия русского народа сознается как осуществление социальной правды в человеческом обществе, не только в России, но и во всем мире» [3, С. 120-121]. Так правда есть то, *что* должен утверждать Русский мир.

Но как определить, что именно данная идея, учение или теория выражает собой правду? В российской религиозной философии был предложен по своему оригинальный способ «верификации» правды, сводящийся к тому, что для ее постижения и осуществления необходима соборность. Соборность является системообразующей ценностью российской идентичности, которая выполняет интегрирующую функцию в сообществе людей, желающих принять общую правду. Соборность нельзя трактовать как общинность, коллективизм или социальность. Это – высший тип отношений между людьми, проникнутыми сознанием своей глубокой духовной общности. В русской философской традиции «соборность означает сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям» [7, С. 42].

Философы А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, В.С. Соловьев и др. полагали, что такими абсолютными ценностями русского народа являются святыни православного христианства, а историческую проекцию соборности они видели в церковных соборах, древнерусском вече, крестьянской общине. Конечно, в эмпирической истории России единство и свобода редко сочетались друг с другом, но в идеальном принципе соборности они пребывают в гармонии. В отечественной традиции соборность понимается как форма снятия всех конфликтов, способ объединения всех усилий, путь решения всех проблем. Отсутствие соборности является признаком того, что общая правда распалась на множество частных правд, обладающих житейскими значениями, но не одухотворенных высоким смыслом, на котором и была основана соборность. Можно предположить, что соборность стала одной из главных русских ценностей именно потому, что, как сказал, В.В. Розанов, «для всякого народа в унижении» спасительна мечта о всеобщем братстве. По сути дела, она выступает как «русская парадигма», которая устраняет противоречие между идеальной и реальной Россией путем преобразования действительного по образцу должного. Таким образом, соборность – это то, как должен существовать Русский мир.

Можно ли при выявлении российской идентичности в свете теории ценностей ограничиться лишь правдой и соборностью? Изучение отдельных периодов жизни Русского мира показывает, что в периоды подъема ему присуще, на первый взгляд, странное противоречие, состоящее в одинаково сильном стремлении к обособленности и всемирности. Между тем, выделив две первые ценности, можно получить синтез, который снимает это противоречие. Что общего между идеями святой Руси, третьего Рима, представлением о триаде православия, самодержавия и народности, а также учением о коммунистическом обществе? Во-первых, все эти воззрения претендуют на выражение общей правды. Во-вторых, они могут быть осознаны и реализованы только соборно, т.е. общим знанием и общим делом. И, наконец, все они объединены верой или убеждением в грядущем «царстве праведников», или в совершенном обществе. Но путь к такому обществу, как правило, мыслится через преодоление общей для всех опасности и угрозы.

Характерно, что некоторые российские мыслители, называя соборность «категорией всемирного единения», относили ее наступление на неопределенное будущее, считая ее

предтечами «предчувствие общей беды и мысль о всеобщем спасении» [4, С. 24, 25; 8]. Спасение – это целеполагающая ценность российской культуры, указывающая высшее состояние, ради достижения которого даже несовершенное земное сообщество может оказаться способным к соборному единению. Идея спасения, аутентичная русской народной культуре, которая проникнута духом хилиазма, присуща и доктрине «Москва – Третий Рим», и русскому панславизму, и учению о коммунизме (в его российской интерпретации). Не случайно Россия играла поистине великую и никем неоспоримую роль в истории только тогда, когда она выступала спасительницей человечества от угрозы земного Апокалипсиса. Так было, когда она обескровила монгольскую орду, грозившую растоптать Европу, или защитила мир в войне с наполеоновской Францией и гитлеровской Германией. Таким образом, спасение – это то, *для чего*, в конечном счете, существует Русский мир.

Конечно, можно скептически оценивать славянофильскую или коммунистическую попытку России представить свою миссию в том, чтобы спасти цивилизацию Запада, якобы гибнущую от капитализма, рационализма и бездуховности. Следует признать, что нашей стране пока не удалось возвыситься до такого социально-нравственного состояния, при котором она могла бы «светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом...» [5, С. 81]. Но хотя Россия исторически не смогла осуществить ни панславянский, ни коммунистический проект, идеал был действительно всемирным – создать наилучшую форму человеческого общежития, показать пример братства людей и народов.

Таким образом, правда, соборность и спасение, на мой взгляд, являются основными ценностями, которые характеризуют российскую идентичность. При этом следует иметь в виду, что своеобразие данных ценностей состоит не столько в их уникальности и специфичности для российской культуры, сколько в оригинальном их понимании и сочетании друг с другом. Каждая значимая культура имеет свои ценностные приоритеты, в конкуренции и взаимодействии которых формируется система общечеловеческих ценностей. Русская идея, формирующая российскую идентичность, – это вклад российской культуры в мировоззренческое и ценностное содержание мировой культуры.

Литература:

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. Русская идея. Харьков М., 1999.
4. Гулыга А. Русская идея и ее творцы. М., 1995.
5. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877. Ноябрь // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1984. Т. 26.
6. Конституция Франции от 22 августа 1795 года. Декларация прав и обязанностей человека и гражданина. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1795.htm> (Дата обращения 23.12.2016).
7. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.

8. Париллов О.В. Консервативная форма русского национального самосознания: становление и основные этапы развития: Автореферат дисс. ... докт. философских наук. Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет, 2006.
9. Платон. Филеб // Платон. Соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1994.
10. Солженицын А. Красное колесо // Наш современник. 1990. №11. С. 111.
11. Фома Аквинский. Сумма теологии. II—II, 1-45, 47-80, 123—170.
12. Фромм Э. Революция надежды // Психоанализ и этика. М., 1993.
13. Gregorius Magnus. In Ezech. II 10.

References:

1. Aristotel'. Nikomahova jetika // Aristotel'. Soch.: V 4 t. Т. 4. М., 1984.
2. Berdjaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. М., 1990.
3. Berdjaev N.A. Russkaja ideja. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX veka i nachala XX veka // Berdjaev N.A. Russkaja ideja. Har'kov М., 1999.
4. Gulyga A. Russkaja ideja i ee tvorcy. М., 1995.
5. Dostoevskij F.M. Dnevnik pisatelja. 1877. Nojabr' // Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1972-1984. Т. 26.
6. Konstitucija Francii ot 22 avgusta 1795 goda. Deklaracija prav i objazannostej cheloveka i grazhdanina. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1795.htm> (Data obrashhenija 23.12.2016).
7. Losskij N.O. Istorija russkoj filosofii. М., 1991.
8. Parilov O.V. Konservativnaja forma russkogo nacional'nogo samosoznanija: stanovlenie i osnovnye jetapy razvitija: Avtoreferat diss. ... dokt. filosofskih nauk. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2006.
9. Platon. Fileb // Platon. Soch.: V 4 t. Т. 3. М., 1994.
10. Solzhenicyn A. Krasnoe koleso // Nash sovremennik. 1990. №11. S. 111.
11. Foma Akvinskij. Summa teologii. II—II, 1-45, 47-80, 123—170.
12. Fromm Je. Revoljucija nadezhdy // Psihoanaliz i jetika. М., 1993.
13. Gregorius Magnus. In Ezech. II 10.

Сведения об авторе

Сергей Николаевич **Кочеров**, доктор философских наук, профессор департамента социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия).